

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья / Original article

JEL G21 O16 O33

DOI 10.22394/sp254.10

BAK 5.2.4

EDN ARQNHQ

Мариничев Д. Н.

ОТКРЫТЫЙ БАНКИНГ КАК НОВАЯ ЛОГИКА ДОВЕРИЯ
И ФИНАНСОВОЙ ПАМЯТИ**Мариничев Дмитрий Николаевич***Представитель Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в сфере интернета (интернет-омбудсмен)**Институт Экспериментальной Политэкономики (г. Москва, Россия)**dmitry@marinichev.com**<https://orcid.org/0009-0006-1312-4119>**SPIN 6727-3956***Dmitry N. Marinichev***Representative of the Presidential Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Internet Area (Internet Ombudsman)**Research Center for Experimental Political Economy (Moscow, Russia)**dmitry@marinichev.com**<https://orcid.org/0009-0006-1312-4119>**SPIN 6727-3956*

В статье рассматривается трансформация концепции открытого банкинга — от интерфейсной модели доступа к данным к пониманию его как архитектуры доверия и финансовой памяти. Показано, что открытый банкинг в цифровую эпоху перестает быть только технологическим инструментом интеграции и постепенно превращается в механизм распределённой фиксации экономических отношений между участниками финансовой системы. Обосновывается, что в таких условиях возникает необходимость говорить о дополнительной, шестой функции денег, связанной с памятью, а также о специфическом способе описания денег как комплексной величины, который дальше мы называем моделью комплексной записи денег. Анализируются современные регуляторные инициативы в США и ЕС, закрепляющие переход от закрытых банковских данных к режиму управляемого доступа и распределённого доверия. Делается вывод о том, что открытый банкинг выступает промежуточным этапом эволюции к экономике, в которой деньги функционируют как верифицируемая запись об обязательствах, правах и действиях субъектов, а инфраструктура данных и реестров становится ядром финансовой архитектуры.

Ключевые слова: открытый банкинг, цифровые финансы, открытые финансы, управление данными, комплексная запись денег, финансовая архитектура

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

Для цитирования: Мариничев Д. Н. Открытый банкинг как новая логика доверия и финансовой памяти // Форпост науки. 2025. Том 19, № 4. С. 118-123. <https://doi.org/10.22394/sp254.10>. EDN ARQNHQ.

The article examines transformation of the concept of open banking from interface model of data access to understanding it as an architecture of trust and financial memory. It is shown that open banking in the digital age is no longer just a technological integration tool and is gradually turning into a mechanism for distributed fixation of economic relations between participants in the financial system. It is proved that under such conditions there is a necessity to speak about additional, the sixth function of money related to memory, as well as a specific way of describing money as a complex quantity, which is further called the model of complex money recording. The article analyzes modern regulatory initiatives in the USA and the EU, consolidating the transition from closed banking data to a regime of managed access and distributed trust. It is concluded that open banking is an intermediate stage in the evolution towards the economy in which money functions as a verifiable record of obligations, rights and actions of subjects, and the data and registry infrastructure becomes the core of the financial architecture.

Keywords: open banking, digital finance, open finance, data management, complex money recording, financial architecture

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest requiring disclosure in this article.

For citation: Marinichev D. N. Open Banking as a New Logic of Trust and Financial Memory. *Science Outpost*, 2025, vol. 19, no. 4, pp. 118-123. Available from: <https://elibrary.ru/ARQNHQ>. <https://doi.org/10.22394/sp254.10>.

Введение

За последние десять-пятнадцать лет понятие открытого банкинга вошло в обиход регуляторов, банков и финтех-компаний. В политических документах и отраслевых отчётах под ним обычно понимают раскрытие банковских данных через стандартизированные интерфейсы программирования приложений, то есть API. Эта трактовка удобна для описания технических аспектов, но оказывается слишком узкой, если задача состоит в том, чтобы понять происходящие изменения в природе денег и финансового доверия.

Исторически доверие в финансовой системе было завязано на институты. Клиент полагался на банк, банк полагался на центральный банк, центральный банк опирался на государство и его фискальную мощь. Вся архитектура строилась как иерархия, где реестры были закрыты, а информация о транзакциях и балансах концентрировалась в нескольких узлах. Деньги в этой конструкции проявлялись преимущественно как вещественная величина: сумма на счёте, банкнота, остаток по обязательству.

Цифровая трансформация разрушила монополию института на хранение и обработку информации. В момент, когда данные могут передаваться по защищённым каналам по инициативе самого клиента, а реестры могут быть распределены и открыты для проверки, привычная модель доверия начинает меняться. Открытый банкинг возникает как институциональная реакция на этот сдвиг, но за технологической оболочкой скрывается более глубокий смысл. Вместо одной централизованной точки доверия появляется архитектура, в которой доверие распределено между участниками сети и закрепляется не только юридическими нормами, но и кодом.

Степень научной разработанности и методологический подход

Проблематика открытого банкинга и открытых финансов активно обсуждается в зарубежной и российской литературе. Ряд авторов рассматривает open banking как продолжение тенденции к платформизации финансовых услуг и демонополизации доступа к клиентским данным [1–19]. В работах Д.-А. Арнера, Р. Бакли, Д. Зеще и их соавторов открытый банкинг описывается как переход к новой модели финансового посредничества, где роль банков постепенно смещается в сторону инфраструктурных провайдеров, а инновации переносятся на уровень финтех-экосистем [20; 21]. В публикациях BIS и национальных регуляторов ЕС и Великобритании внимание уделяется прежде всего правовому и технологическому аспекту: требованиям к API, стандартам безопасности, защите прав потребителей [22–26].

В то же время вопрос о том, как открытый банкинг меняет понимание денег и доверия, в литературе освещён менее полно. Отдельные элементы этой темы появляются в работах, посвящённых теории денег как социального отношения, концепции «money as memory», исследованиям цифровых валют центральных банков и стейблкоинов. Так Н. Кочерлакота в своей работе предлагает рассматривать деньги как инструмент фиксации истории обмена, а не только как универсальный товар или государственный знак, однако его идеи долгое время оставались на периферии мейнстримной дискуссии [27].

Современные исследования цифровых валют, стейблкоинов и систем распределённого реестра расширяют эту линию. В отчётах BIS и МВФ подчёркивается, что появление токенизированных форм денег и программируемых реестров делает возможной более детализированную фиксацию экономических отношений и улучшает трассируемость фондовых и платёжных потоков [22]. Вместе с этим возникает вопрос о том, как подобная «усиленная память» влияет на природу доверия в финансовой системе и на функции денег.

Методологически данная статья опирается на сравнительно-исторический и институциональный анализ, а также на концептуальную реконструкцию функций денег в цифровой среде. Используется аналитический синтез работ по open banking и open finance, теории денег как памяти, а также практики регулирования обмена финансовыми данными в ЕС и США. Современные регуляторные инициативы, включая PSD3/PSR, FiDA и § 1033 Dodd-Frank, закрепляют переход от закрытых банковских данных к режиму управляемого доступа и распределённого доверия [23; 24; 26].

Целью данного исследования является не описание конкретного стандарта API, а выявление логики перехода от институционального доверия к архитектурному и от линейной записи денег к многослойной, в которой важную роль начинает играть функция памяти.

Результаты и обсуждение

Регуляторные документы обычно описывают открытый банкинг набором функций. Клиент получает право дать согласие третьей стороне на доступ к своим банковским данным, а также разрешить инициирование платежей от своего имени. Банк как обслуживающая организация обязан предоставить такой доступ через стандартизированный API. Третьи стороны, получив статус аккредитованного поставщика, могут строить поверх этого интерфейса собственные продукты и сервисы.

В таком описании акцент делается на технической стороне: стандарты, безопасность, форматы сообщений. Однако если смотреть глубже, становится видно, что изменения касаются прежде всего того, как формируется и распределяется доверие. Там, где раньше банк монопольно владел информацией о клиенте, сегодня клиент получает возможность контролировать, кому и в каком объёме он передаёт эту информацию. Появляется новая сцепка: клиент – данные – экосистема, а банк постепенно превращается в инфраструктурного провайдера, который обеспечивает канал и соблюдение правил, но уже не является единственным местом концентрации доверия.

Таким образом, открытый банкинг можно описать как процесс переноса доверия из института в среду. Доверие перестаёт быть только атрибутом банковской лицензии и становится свойством архитектуры данных и реестров. Если раньше сам факт нахождения средств в банке означал доверие к этому банку, то теперь всё чаще доверие обращено к тому, как устроен сбор, хранение, обработка и передача информации: к протоколам, форматам и механизмам контроля доступа.

Ключевое отличие открытого банкинга от финансовых технологий предыдущей эпохи состоит в том, что данные перестают быть побочным продуктом финансовых операций и превращаются в самостоятельный экономический ресурс. Передача данных становится актом, который можно рассматривать как выражение экономической воли. Когда клиент даёт согласие на доступ к своим финансовым данным, он фактически совершает сделку: обменивает часть своей информационной истории на потенциальное улучшение сервиса, снижение стоимости услуг или расширение возможностей. Это согласие трудно считать чисто технической формальностью. Оно меняет баланс сил в системе: часть власти, ранее сосредоточенной у банка, переходит к клиенту и к тем, кому он доверил свои данные. Такое понимание приводит к тому, что открытый банкинг следует описывать не только в терминах API и регуляторики, но и в терминах перераспределения контроля. Любое согласие на доступ к данным становится элементом финансовой записи. В эту запись включается не только сумма и дата транзакции, но и тот факт, что клиент разрешил использовать свою историю платежей, кредитов, накоплений. Данные начинают жить собственной жизнью внутри архитектуры доверия и становятся не менее важной частью финансового капитала, чем сами денежные балансы.

В этом контексте особую актуальность приобретает идея о деньгах как памяти. В работе Н. Кочерлакоты «Money is Memory» предлагается рассматривать деньги как механизм фиксации того, кто что сделал для общества и на каких условиях. Если бы существовала идеальная система записей, фиксирующая все действия и обязательства, традиционные деньги могли бы, по его мысли, утратить часть своих функций [27].

Цифровая экономика делает эту мысль практической. Современные реестры, распределённые системы учёта и смарт-контракты позволяют фиксировать не только факт платежа, но и его контекст: кто, кому, за что, при каких условиях и с каким уровнем риска. Денежная единица перестаёт быть обезличенным символом и начинает нести информацию о связанной с ней истории. Это позволяет говорить о дополнительной функции денег – функции памяти. Пять классических функций описывают то, что деньги делают в рамках обмена, но не описывают того, что деньги могут хранить. Функция памяти отвечает

именно за накопление и передачу информации о том, как развивались экономические отношения, какие обязательства возникали и были исполнены, как менялись роли участников. В прежней системе эту функцию выполняли бухгалтерские книги, архивы банков и специализированные информационные системы. В цифровой модели память постепенно встраивается в саму инфраструктуру денег и в связанные с ними записи. Открытый банкинг усиливает эту тенденцию, переводя часть памяти из внутренних баз данных в режим управляемого доступа. Финансовая память перестаёт быть внутренним активом отдельного банка и становится распределённым ресурсом.

Чтобы описать многослойность современных денег, недостаточно говорить только о суммах и счетах. С одной стороны, деньги по-прежнему отражают стоимость, которая уже реализована и может быть использована для обмена. С другой стороны, в цифровой среде деньги несут дополнительную нагрузку: они отражают ожидания рынка, доверие к эмитенту, прозрачность операций и правовой режим токена или записи. Удобным образом представить это можно через метафору комплексного числа. Пусть денежная запись описывается как $A + iB$, где A – это реализованная стоимость, то, что уже зафиксировано в балансе и отчёте о прибылях и убытках, а B – это поле ожиданий, доверия и потенциала. В таком представлении деньги перестают быть простым скаляром и становятся вектором с фазой. Угол этого вектора отражает отношение между реализацией и потенциальным развитием. Экономический цикл в таком подходе можно рассматривать как движение по комплексной плоскости. Периоды роста соответствуют усилению мнимой компоненты: растут ожидания, капитал ищет новые направления, увеличиваются инвестиции, расширяются рынки. Периоды спада – это фиксация результатов и сокращение мнимой части, когда ожидания гаснут, система возвращается к более осторожным и консервативным состояниям.

Минимальным эффектом такого взгляда становится отказ от понимания кризисов как «чистых провалов». Они начинают восприниматься как фазы, в которых система переоценивает свои ожидания и возвращается к более устойчивому соотношению между A и B . Открытый банкинг и открытые реестры делают эту динамику более наблюдаемой: через данные кредитной истории, транзакций и участия в проектах можно отслеживать, как меняется баланс между реализованной стоимостью и потенциалом.

Следующим шагом после открытого банкинга становится переход к открытым или проверяемым реестрам. Если открытый банкинг отвечает за доступ к данным, то реестровые архитектуры отвечают за способы их хранения и проверки. В инициативах BIS по созданию *tokenised unified ledger*, в проектах цифровых валют центральных банков предполагается, что ключевые состояния финансовой системы будут фиксироваться в единых или совместимых реестрах, доступных для проверки уполномоченным участникам [22].

В такой конструкции доверие окончательно переносится в архитектуру. Прозрачность достигается не за счёт обещаний эмитента, а за счёт проверяемости записей. Память системы становится технической: она выражена в блоках, хэшах, временных отметках и коде смарт-контрактов. Открытый банкинг в этой логике превращается в слой, обеспечивающий связь между пользователем и реестром, а также управление согласиями и режимами доступа. В результате деньги, функционирующие в подобной среде, перестают быть только средством обмена. Они превращаются в элемент более сложной системы, где каждая единица связана с набором метаданных: происхождением, цепочкой переходов, условиями использования. Функция памяти перестаёт быть абстрактной теоретической категорией и становится операционной характеристикой инфраструктуры.

Открытый банкинг в том виде, в котором он реализуется сегодня в ЕС и США, можно рассматривать как промежуточный этап. На уровне регулирования речь идёт о доступе к данным, на уровне технологий – о стандартах API и безопасности, на уровне бизнеса – о новых моделях монетизации сервисов и данных. Однако в более широком взгляде это часть перехода к иной логике финансовой системы, где доверие и память становятся основными ресурсами. В экономике финансовой памяти важным становится не столько владение активом, сколько способность поднять и предъявить историю действий и прав.

Деньги как запись об обязательствах и действиях дают возможность строить расчётные системы, в которых риск оценивается не только через баланс, но и через полноту и честность памяти. Открытый банкинг в этом смысле выступает механизмом, который переводит память из тихих архивов банков в активную инфраструктуру рынка. По мере развития open finance деньги и данные всё больше сливаются в единую сущность. Это создаёт предпосылки для появления новых форм цифровых эквивалентов, кооперативных контуров клиринга и моделей коллективной субъектности, которые опираются на ту же базовую идею: деньги – это запись, а архитектура реестров – пространство доверия.

Заключение

Открытый банкинг начинался как инженерная задача: как дать внешним участникам безопасный и контролируемый доступ к банковским данным. Сегодня становится ясно, что значение этой реформы гораздо шире. Открытый банкинг следует понимать как элемент перехода к новой архитектуре денег, в которой данные, реестры и согласия формируют финансовую память системы.

В такой архитектуре деньги перестают быть лишь величиной. Они превращаются в вектор, несущий в себе стоимость, информацию и право. Шестая функция денег, связанная с памятью, перестаёт быть теоретической гипотезой и становится практическим инструментом анализа цифровых финансов. Метафора комплексной записи помогает описать многослойность современных денег и увидеть связь между экономическими циклами, ожидаемыми сценариями и правовыми режимами.

Открытый банкинг, таким образом, можно считать не конечной целью реформ, а важным шагом на пути к экономике, в которой доверие управляется прозрачными механизмами фиксации и проверки, а память превращается в один из главных носителей стоимости.

Список источников / References

1. Богданова, Е. В. Структура доверия в отношениях "клиент-банк" / Е. В. Богданова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8, № 1. – С. 86-96. – EDN OWBZON.
2. Глотко, А. В. Совершенствование расчетно-кассового обслуживания юридических лиц для обеспечения конкурентоспособности коммерческих банков на региональном рынке / А. В. Глотко, Г. Г. Лякин // Вестник ОрелГИЭТ. – 2022. – № 1(59). – С. 139-146. – <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2022-1-59-139-146>. – EDN PAZEJK.
3. Исаева, Е. А. Общие и частные вопросы организации и регулирования оборота цифровой валюты / Е. А. Исаева, А. С. Сироткин // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2024. – № 4. – С. 250-256. – <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2024-4-250-256>. – EDN OZJKCY.
4. Климук, В. В. Развитие наукоемких услуг как вектор обеспечения экономической безопасности государства / В. В. Климук, О. Мостовская // Экономическая среда. – 2021. – № 4(38). – С. 37-44. – <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2021-4-38/37-44>. – EDN NJFQUM.
5. Косенкова, К. В. Модернизация финансовой системы в условиях реализуемой бюджетно-налоговой и долговой политики / К. В. Косенкова, А. А. Миронов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 1(171). – С. 80-86. – <https://doi.org/10.26726/rppe2025v1motfs>. – EDN MQYHGV.
6. Казеева, Ю. М. Тенденции формирования спроса на банковские услуги ПАО "Сбербанк" / Ю. М. Казеева, И. И. Кружкова, В. В. Матвеев // Экономическая среда. – 2022. – № 2(40). – С. 47-55. – <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2022-2-40/47-55>. – EDN TBNMVS.
7. Малявкина, Л. И. Экосистемность в стратегии цифровой трансформации финансово-кредитных организаций России / Л. И. Малявкина, А. Г. Савина // Вестник ОрелГИЭТ. – 2020. – № 1(51). – С. 148-153. – <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2020-1-51-148-153>. – EDN CVBQWI.
8. Миронов, А. А. Экономическая безопасность финансово-банковского рынка в условиях цифровизации / А. А. Миронов // Инновационное развитие экономики. – 2020. – № 3(57). – С. 165-169. – EDN KIXXZT.
9. Парушина, Н. В. Анализ расчетно-информационного обслуживания юридических лиц в условиях цифровизации банковской сферы / Н. В. Парушина, Л. А. Алямкина // Экономическая среда. – 2022. – № 1(39). – С. 31-46. – <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2022-1-39/31-46>. – EDN DIGISS.

10. Попова, О. В. Влияние новейших экономических шоков на розничный сегмент финансового рынка России / О. В. Попова, А. В. Щеголев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 190-210. – <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-190-210>. – EDN BPWEQG.
11. Порождение угроз в гетерогенных системах цифровой экономики / А. А. Грушо, Н. А. Грушо, А. В. Николаев [и др.] // Системы и средства информатики. – 2020. – Т. 30, № 1. – С. 46-55. – <https://doi.org/10.14357/08696527200104>. – EDN OTDDIB.
12. Ручкина, Г. Ф. Цифровые банки на рынке банковских услуг: необходимость правового регулирования деятельности / Г. Ф. Ручкина // Банковское право. – 2024. – № 4. – С. 14-21. – <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-4-14-21>. – EDN RHVAES.
13. Рындина, С. В. Оказание маркетплейсами финансовых услуг: перспективы и риски / С. В. Рындина, С. М. Имяреков, Н. А. Кашичкин // Экономическая среда. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 82-90. – <https://doi.org/10.36683/ee243.82-90>. – EDN SRYXPX.
14. Спиридонова, А. В. Анализ и сравнение инвестиционных банковских продуктов / А. В. Спиридонова // Научные Записки ОрелГИЭТ. – 2021. – № 4(40). – С. 64-73. – EDN YYFLVA.
15. Сячин, В. Г. Анализ уровня цифровой трансформации китайской банковской отрасли посредством индекса цифровизации банков / В. Г. Сячин // Государственная служба. – 2023. – Т. 25, № 6(146). – С. 95-109. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-6-95-109>. – EDN EJZORP.
16. Ушаков, Д. А. Правовые аспекты обработки банками данных клиентов: между Сциллой и Харибдой / Д. А. Ушаков // Банковское право. – 2022. – № 2. – С. 71-78. – <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2022-2-71-78>. – EDN CVBXJK.
17. Цвырко, А. А. Инфраструктура банковского обслуживания и перспективы её развития / А. А. Цвырко, Н. В. Сухорукова, Т. Н. Иващенко // Экономическая среда. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 88-98. – <https://doi.org/10.36683/ee242.88-98>. – EDN ZNXIAH.
18. Шалаев, И. А. Современные проблемы организации расчётно-кассового обслуживания юридических лиц коммерческими банками на рынке цифровых финансовых технологий и инноваций / И. А. Шалаев, О. И. Кожанчиков // Экономическая среда. – 2023. – № 4(46). – С. 109-120. – <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2023-4-46/109-120>. – EDN BTINEC.
19. Kuzmina, O. Y. Transformation of the Banking System as a Way to Minimize Information Asymmetry / O. Y. Kuzmina, M. E. Konovalova, E. S. Chulova // Digital Age: Chances, Challenges and Future, Samara, 26–27 апреля 2019 года. – Samara: Springer Nature, 2020. – P. 12-18. – https://doi.org/10.1007/978-3-030-27015-5_2. – EDN LRWGXC.
20. Arner D., Barberis J., Buckley R. The Evolution of Fintech: A New Post-Crisis Paradigm? // University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2015/047. – <https://doi.org/10.2139/ssrn.2676553>.
21. Zetzsche D., Buckley R., Arner D., Barberis J. From FinTech to TechFin: The Regulatory Challenges of Data-Driven Finance // European Banking Institute Working Paper Series. – 2017. – No. 6. – <https://doi.org/10.2139/ssrn.2959925>.
22. Annual Economic Report. Chapter on the future of the monetary system // BIS. – URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2022e3.pdf>.
23. Commission delegated regulation (EU) 2018/389 of 27 November 2017 supplementing Directive (EU) 2015/2366 // European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018R0389>.
24. Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market // European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2015/2366/oj>
25. Framework for financial data access // European Commission. URL: https://finance.ec.europa.eu/digital-finance/framework-financial-data-access_en
26. Personal Financial Data Rights Rule (§ 1033 Dodd-Frank) // CFPB. URL: <https://www.consumerfinance.gov/personal-financial-data-rights/>.
27. Kocherlakota N. Money is Memory // Journal of Economic Theory. – 1998. – Vol. 81, No. 2. – P. 232-251. – <https://doi.org/10.1006/jeth.1997.2357>.

Статья поступила в редакцию / Received: 12.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 17.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 02.12.2025

Дата выхода в свет / Date of publication: 30.12.2025